

Мария Текун

Подарок

рассказ

Волшебный, мистический и магический текст, продиктованный очень четко, по буквам...

ПОДАРОК

I

В то время, когда случилась эта история, мы с женой жили загородом, в большом доме с вековым садом. Этот дом достался мне от родителей. Не по наследству, как многие подумают в данном случае, - нет, они подарили его нам на свадьбу. Мой отец в то время был очень богат. И вот мы, как новые дворяне, принялись обживать наше родовое гнездо, в очередной раз экспроприированное у экспроприаторов. Будто скворцы по весне налетели в пустующие скворечники, так и мы – невесть откуда взявшиеся богачи, принялись селиться по заброшенным до времени дворцам. Говорю так оттого, что мне самому неловко. Как неловко было поначалу вступать во владения столь неожиданно объявившейся непомерной собственностью, так и теперь неловко. Да, еще и оттого, что подарок этот был преподнесен нам на свадьбу, отгроханную – легко представить теперь – с каким размахом.

Сколько раз замечал, что чем дороже обходится свадьба, тем меньше длится счастливая семейная жизнь. И хотя жену я брал себе по любви, но вскоре обнаружил, что это как бы «не та любовь». Затрудняюсь объяснить прямо теперь и в двух словах, что это означает, но те, кому знакомо такое чувство, поймут и

так, а те, кому не знакомо, пусть не ломают головы понапрасну. Итак, наша жизнь напоминала собой тихий теплый спокойный и глубокий омут, наполненный чистой прозрачной водой. Все было хорошо, и изнутри и снаружи, и ничто не предвещало никаких изменений на много и много лет вперед. Кто-то, возможно, здесь скажет, какого рожна еще надо этому олуху, с жиру-то обычно и бесятся. Не стану спорить, всё есть.

Только детей у нас не было.

Поначалу я сильно горевал, и не мог смириться с этим фактом. Чего уж там: я буквально с ума сходил, так что даже сам себе удивлялся, насколько сильно проявилось во мне желание иметь детей. И тем более странно мне было видеть более чем спокойное отношение моей жены к данному вопросу: будут – хорошо, а нет – и не надо. Разумеется, я был склонен винить во всем жену. А разве кто-то поступает иначе? Только потом я понял, что принять полную ответственность на себя означает сразу избавиться, по крайней мере, от половины несчастья, которая заключается в обиде и претензии к миру. Но тогда я был уверен, что во всем виновата только она одна!

Затем неожиданно мне на ум пришла следующая мысль: если я так безоговорочно обвиняю свою жену в нашем бесплодии, то, скорее всего, виноват я сам. И поскольку эта мысль была не следствием разумных рассуждений, но появилась буквально как

знание, посланное мне откуда-то свыше, она странным образом помогла мне успокоиться и направить свою энергию в иное русло.

Да, живя в своем спокойном и теплом мирке, где снаружи все чисто, добропорядочно и отлично, просто отлично! – мы, словно слепые, ходим и не видим того, что находится у нас под ногами, под самым носом. Словно бы это было скрыто от нас каким-то волшебным пологом, чудесным покрывалом Иосифа, и мы думаем только о себе, и от этого обычно постоянно и бесконечно страдаем. И вроде бы есть у нас все условия и все причины для счастья, и все устроено наилучшим образом, и нам вроде бы нечего больше желать, но почему-то ничто не приносит нам радости. И вот мы мучаемся, словно дикие звери в запертой тесной клетке, не зная, куда себя деть, на что направить эту дикую звериную силу.

Все это было и со мной. Но в тот момент мне казалось, что я-то знаю причину своего несчастья, и стоит только ее преодолеть, то есть родить ребенка, как все сразу встанет на свои места, и наша семейная жизнь будет похожа на рай. Потом я понял, что это было не так.

Прежде чем приступить к сути рассказа, я немного отвлекусь и опишу в нескольких словах, что наша жизнь представляла

собой на тот момент.

Я уже говорил, что у нас был большой дом с большим участком земли, который располагался в тихом живописном месте в отдалении от города, но в свободной досягаемости от него.

Имея машину, я мог спокойно работать в городе, как прежде.

Я был врачом. За большие деньги я лечил богатых людей от их реальных и мнимых недугов, и, имея довольно ограниченную практику, легко мог обеспечивать наше безбедное существование. Я сказал «легко» не только потому, что прием пациентов занимал у меня не более четырех часов в день, но еще и потому что мне действительно не составляло труда лечить моих больных. Здесь я нисколько не ставлю себе в заслугу то свойство моей натуры, благодаря которому я успешно исцелял больных, поскольку совершенно не в состоянии объяснить, что это было за свойство. Происходило все как бы само собой. Я просто «видел», от чего страдает человек, и убирал причину болезни. Вскоре исчезали и следствия. Или «последствия». Для того, чтобы все выглядело благопристойно, естественно и закономерно, я выписывал человеку таблетки, которые он покупал в ближайшей аптеке, и таким образом всю оставшуюся жизнь благодарил не меня, а современную фармакологию. Сам я не считал свой дар чудесным, потому что до известного времени полагал, что так лечат если не все, то многие.

Моя жена тем временем сидела дома и занималась приятными ей делами. Что это были за дела, представить себе несложно: она следила за домом и садом, готовила еду, наводила порядок и «красоту», как любят говорить женщины, а остальное время посвящала себе, то есть читала, смотрела кино, вязала, гуляла, посещала различных специалистов по всевозможной красоте и прочая и прочая. Не знаю, было ли ей скучно на самом деле, но мне всегда казалось, что нет. Она имела все, что хотела.

Моя жена была привлекательной женщиной. (Странно было бы, если бы я сказал иначе). Она имела изящную фигуру, милое личико и удивительные густые длинные вьющиеся волосы редкого цвета белого золота. Они буквально сияли при свете и отливали неожиданным блеском. Никогда в жизни я не видел больше таких волос.

В нашем доме было два этажа и множество комнат, соединенных между собой таким образом, что, переходя из одной в другую, можно было обойти весь первый этаж, а затем, поднявшись по лестнице, и второй. Чем было обусловлено столь странное устройство дома, мне представляется неизвестным. Впрочем, тот факт, что почти все комнаты в доме оказывались проходными, особых неудобств нам не доставлял, поскольку большую часть из них мы не использовали вовсе.

Дом стоял посреди широкой зеленой лужайки, окруженной кустами живой изгороди и высокими липами, буками и вязами

поодаль, посаженными по границе наших земельных владений отдельными рощами или пучками, или куртинами. Я не знаю, как сказать точнее, потому что не специалист в том, что нынче называется ландшафтным дизайном, а раньше представляло собой целое искусство или науку садово-паркового хозяйства. Как бы то ни было, я был способен оценить красоту и величественное уединение нашего милого семейного уголка. Как ни нелепо это прозвучит.

Ну вот, теперь мы подходим к самому трудному. На самом деле, хотя и взялся описать определенные события, происходившие на моих глазах и при моем непосредственном участии, тем не менее, до сих пор не знаю, как это лучше сделать. Дело в том, что вышеупомянутые события не были частью какой-то определенной реальности, и потому не могут быть определены и описаны однозначно.

Я уже обмолвился выше о том, что одно время буквально изводил себя мыслью о детях, которых по какой-то неведомой мне причине не пожелал послать нам Господь. Пребывая на грани отчаяния, я, неожиданно для самого себя, вдруг утешился внезапно посетившей меня единственной мыслью. Это была даже не мысль, а некая мыслеформа, следовательно, тем сложнее будет ее описать. Но, если сказать совсем уж просто, однажды мне на ум пришло следующее рассуждение: если я так люблю детей, что мешает мне любить уже

существующих детей?! Надо признаться, что такая постановка вопроса на некоторое время завела меня в тупик. Я пытался разобраться (и не смог, не стану этого скрывать), в чем же на самом деле состоит различие собственных детей и просто детей, детей, так сказать, «вообще»? Возможно, если бы я был женщиной, данный вопрос не возник бы у меня вовсе по той причине, что женщина точно знает, какие дети *ее*. Мужчина же в этом смысле более уязвим или более свободен, как посмотреть. Поэтому, я думаю, одни мужчины бывают чрезвычайно ревнивы, а другие, напротив, чересчур равнодушны. Возможно, я стал бы ревнивцем, если бы моя жена не была столь холодна в нашем вопросе. Но здесь я спросил себя: так что же мешает мне любить детей вообще? Женщины любят только своих детей, мужчины же любят тех, кого называют своими.

Эта мысль, пусть неоднозначная и изложенная достаточно коряво, на самом деле помогла мне прийти к выводу, что мои страдания происходят оттого, что я сам накладываю на себя ограничения, то есть ставлю барьеры и возвожу стены, которые сам не могу перепрыгнуть, но которых на самом деле нет! Здесь я понял, каким образом на самом деле наша ограниченность является причиной наших страданий. И способ, который помогает нам освободиться от этого, на самом деле не имеет того первостепенного значения, которое обычно стараются

приписывать ему задним числом.

Кто-то лезет на Эверест и затем принимается рассуждать о прелестях альпинизма, кто-то летает на парашуте, кто-то открывает приют для бездомных животных, кто-то рисует непонятные картины, кто-то играет в оркестре – но ничто из того не является ценным само по себе, на самом деле это всего лишь способы выйти за границы, которые мы определяем для себя сами. Важно то, что существует *за* этим.

Возможно, кому-то покажется смешным все, что я сейчас здесь пишу и что превозношу как откровение, возможно! Но мне не стыдно выставить себя глупцом перед десятком человек, если при этом другие пять (или десять, а может, и сто человек) обнаружат в моих словах близкую им истину.

Так обычно бывает, когда в нас вдруг возникает какое-то намерение, сообразное с нашей внутренней сутью, то сразу все вокруг нас начинает складываться к тому, чтобы намерение это было реализовано наилучшим образом. Я почувствовал это на себе очень явно. Когда я смог освободиться от той части своих заблуждений, которые блокировали мои внутренние как бы сказать – ресурсы, и буквально не давали мне жить, то есть жить спокойно и счастливо, я тотчас ощутил, как словно бы что-то внутри меня изменилось. Как будто лопнула, наконец, туго натянутая струна, или резинка, исчерпавшая весь свой запас

лояльности. И дальше все стало происходить само собой, а я ощущал себя лишь инструментом в чьих-то умелых и надежных руках. Я не смогу, наверное, точно описать это внутреннее ощущение, могу лишь сказать, что это было самое лучшее из всего, что мне довелось испытать в жизни. Я словно почувствовал рядом с собой надежную руку, и это была добрая рука помощи и защиты. И вот тогда я осознал очень явственно то, что все лучшие качества, заложенные в нас природой, наши таланты и способности, требуют неременного развития и проявления в мире. И только наша лень, косность, узость сознания и сиюминутные интересы мешают нам сделать это в полной мере. И от этого мы постоянно носим в себе то неприятное чувство загнанного и запертого в ловушку дикого зверя, который больше не знает, как освободиться – но не от прутьев клетки как таковых, но от той дикой силы, распирающей его изнутри.

Так и я, всю жизнь успокаивал себя тем, что использую свой дар на благо людям, сидя в своей VIP-клинике и исцеляя слабые дряблые тела давно уставших от жизни, но отчего-то всё молодящихся людей, от одних и тех же болезней, или «проблем», как они сами любили называть их. Мне казалось, что этого достаточно, хотя на самом деле я всегда чувствовал, что таким образом всего лишь приглушаю некий внутренний голос, который и без того тихо, но постоянно напоминает мне о

том, что я растрчиваю свой дар почти впустую. И от этого в душе моей пустота. Только потом я понял, о чем на самом деле говорил мне этот голос.

Итак, все началось с обычной истории. Однажды я шел по улице и увидел плачущего мальчика. Никого из взрослых не было поблизости, так что я решил подойти и выяснить, что случилось. На мои вопросы ребенок не отвечал, но принялся рыдать еще громче. Я не знал, что с ним делать и как ему помочь. Но теперь я уже не мог бросить его и отправиться своей дорогой, и нужно было что-то сделать и как-то успокоить его. Тогда я подумал применить тот же способ, которым обычно лечил своих пациентов, не особо, правда, надеясь на успех.

Вдруг я понял, что мальчик плакал оттого, что больно ушиб коленку, вероятно упав с какого-то сооружения на детской площадке, на которой я и застал его в слезах. Тогда я сделал так, что боль в колене утихла. Но мальчик не переставал плакать. Мне показалось это странным. Возможно, я что-то пропустил? – подумал я. И вдруг совершенно неожиданно для себя за той болью, которую я уже исцелил, я почувствовал горькую обиду этого маленького мальчика. И еще я почувствовал его желание, чтобы кто-то пожалел его, обнял и погладил по голове. Именно это вот «погладил по голове»,

удивило меня больше всего и явилось свидетельством того, что это не мое, но его желание, потому что сам я всегда полагал, что дети не любят, когда их гладят по голове, как собачек.

Но я сделал все так, как почувствовал. Я больше ничего не спрашивал, просто присел рядом с ним, обнял его и погладил по голове. Мальчик тут же перестал плакать и как-то неловко уткнулся мне в плечо. Так мы провели несколько минут, пока он окончательно не успокоился. Тогда я, ничего не говоря, просто отпустил его, и он остался стоять, обескуражено глядя на меня и сопя заложенным носом. Я спросил, хочет ли он, чтобы я проводил его домой. Мальчик молча отказался, покачивая головой. Тогда я подбодрил его, пообещав, что все будет хорошо, и, оставив на том самом месте, где нашел, отправился своей дорогой.

Это происшествие буквально поразило меня. Я сам толком не понял, что произошло, но то, что случилось нечто необыкновенное, я осознавал предельно ясно. Казалось бы, чего необычного – ну, подумаешь, утешил ребенка – и что? Но дело, конечно, заключалось не в том.

Здесь я не стану в подробностях описывать все, что произошло дальше, как всё составилось воедино и пришло в итоге к тому, к чему пришло. Скажу только, что с того памятного случая,

мысль о том, что я должен сделать нечто большее, уже не оставляла меня. И тогда я решил, что должен помогать детям. В этом общем утверждении заключался для меня совершенно определенный смысл. И я не бросился перечислять деньги в детские дома и приюты для несовершеннолетних, не стал шататься по разного рода детским заведениям с проповедями и наставлениями «о прекрасном», как не озаботился и усыновлением нескольких сирот или сбором средств для тяжелобольных детей. Нет. Нисколько не умаляя нужности и важности всего вышеперечисленного, я, тем не менее, избрал для себя более узкий и, на первый взгляд, не такой очевидный путь. Но, как я сказал выше, здесь у меня не было сомнений. Я точно знал, что должен делать и делал это, вверившись не только всем сердцем, но и всем своим существом кому-то или чему-то высшему, как доброму и знающему проводнику.

То, что открылось мне с тех пор, как я отважился вылезти из своей скорлупы и посмотреть на мир широко открытыми глазами, поселило во мне, мягко говоря, неуверенность в том, что детство для всех без исключения является порой безусловного счастья. С удивлением и отчаянием я обнаружил, сколько существует сирот! И просто обделенных, обездоленных, брошенных или заброшенных детей. Не понятых, надломленных морально, измученных либо непомерной заботой, либо, напротив, равнодушием или

несправедливостью родных.

И тогда мне захотелось дарить детям счастье. Я решил стать тем добрым волшебником, который способен дарить самые заветные подарки.

Итак, теперь мне предстоит самое трудное, а именно рассказать, что же конкретно я делал. Начну, пожалуй, с общего плана. План был таков: время от времени наш большой дом превращался в театр, в котором я устраивал волшебные представления для детей. Специально для этого я оборудовал большую залу на первом этаже, наладив там все необходимое. На представления я приглашал всех желающих, и никогда специально не искал и не отбирал детей по какому-либо принципу. Мой верный «проводник» всегда сам указывал мне тех, кто нуждался в моей помощи и поддержке, а я всего лишь следовал его «указаниям», которые определял как веления сердца.

По нашим правилам все зрители – они же были и участники действия. Иными словами получалось так, что каждый раз мы все вместе как будто ставили некий спектакль, где каждому выпадало исполнить какую-то роль, которую он чаще всего выбирал себе сам, а по завершении все получали подарки. Это, так сказать, то, что происходило снаружи.

Но был еще внутренний план, собственно, ради чего все это и

затевалось. И здесь мне придется призвать на помощь всё ваше воображение.

Давайте представим себе театр! И вот, декорации расставлены, реквизит разложен в определенном порядке, и каждый участник знает свое место и свою маленькую роль в предстоящем действии. И теперь нам всем вместе как будто предстоит соткать большой ковер. У нас есть канва, но узор заранее не определен – он составитя в процессе общей работы.

А теперь представьте себе, что все вещи, занятые в спектакле, это не просто вещи, но некие магические предметы, а действие – не простое действие, и если принять в нем участие, можно получить то, что желаешь.

Вскоре я заметил, что дети чаще следуют духу, а не букве любого правила, ритуала или закона, и это их свойство сильно облегчало мою задачу. Они быстро схватывали все необходимое и самое главное – ни на секунду не сомневались в том, что все, что мы делали, мы делали *на самом деле*. Если, скажем, мы играли в пиратов, мы не представляли себе, что мы пираты, но мы были пиратами.

Во время представления я позволял себе маленькие чудеса, наподобие того, что тень от пальмы, стоящей в кадке перед занавеской, превратится вдруг в птицу и, громко крикнув, вспорхнет и улетит в темноту. Это помогало нам всем вместе находиться внутри той мистической реальности, которую мы

сами творили. Это было весело, и создавало так называемый «воздух» действия, а я бывал счастлив едва ли не больше всех остальных участников спектакля, и часто мне приходилось усилием воли сдерживать свои порывы, чтобы в итоге все действие окончательно не превратилось в огромный радужный фейерверк.

Но что же за подарки ждали участников? Вот это описать труднее всего.

Предположим, здесь я исходил из рассуждения, что если дети – а они такие же люди, совершенно равные по своему внутреннему устройству всем остальным людям – чем-то обделены в этой жизни, то нужно дать им возможность получить нечто такое, что как бы компенсировало ущерб и восстанавливало справедливость. Но как я ни пытаюсь дальше обозначить, в чем конкретно это выражалось, все выходит топорно или, по меньшей мере, чудно. Конечно, есть большой соблазн сказать, например, так: если кто-то голодал, то получал в подарок «вечный» горшок каши или горячий каравай; тот, кто сильно горевал, получал, скажем, подушку, на которой спал и видел прекрасные сны, и тогда забывал обо всем; тот, кто страдал от одиночества, вдруг обнаруживал у себя под кроватью маленьких человечков, всегда готовых развеселить его и отвлечь; а тот, кто нуждался в карманных деньгах, получал неразменный

пятак. Но если я скажу так, неужели вы поверите мне?

На самом деле не я определял, что каждый из участников получит в подарок. Конечно, я использовал свою силу, совершая дары, но только для того, чтобы помочь им самим исполнить свои желания. Следовательно, каждый получал не то, что я давал или хотел бы дать ему, а то, чего хотел он сам, и на что у него хватало собственной фантазии. То есть, разумеется, дары были не одинаковы. Мечтающий о деревянном кораблике, получал деревянный кораблик, и только.

Моя жена во всем поддерживала меня. Она стала как бы хранительницей и управительницей нашего театра. Приняв все как есть, она с завидным рвением принялась следить за тем, чтобы все соблюдалось в точности и оставалось таковым во веки веков. С одной стороны, я был очень благодарен ей за то, что она взяла на себя заботу о хозяйственной части дела и выполняла все с исключительной тщательностью, но с другой стороны мне казалось, что эта ее чрезмерная склонность к точному соблюдению каких-то правил и распорядков, превращает в итоге священнодействие в ритуал, то есть лишает его той внутренней энергии, которая исходит или от неба, или от земли, не знаю, но не от человека, и потому не может быть регламентирована им в полной мере.

Так я довольно скоро обнаружил, что эта женщина, даже

будучи человеком чистым и светлым, никогда не сможет быть мне ни верным другом, ни помощником в делах из-за того, что холодность и равнодушие было свойством ее души. То, что я пленился ее красотой и нежностью и поначалу принял за любовь, было, конечно, моей роковой ошибкой. Так, все, что я изначально превозносил как высший дар и исключительную ценность, обернулось в итоге неразрешимой проблемой. Сообразуясь с присказкой «свято место пусто не бывает», я сам загонял себя в тупик, безуспешно пытаюсь постичь глубину ее натуры. Но вместо того мне вдруг открылось, что сосуд ее души безнадежно пуст, но в то же время и бездонен, так что не было никакой возможности наполнить его чем-либо.

Я был близок к отчаянию! Разочарование преисполнило меня всякого рода упреками, претензиями и даже презрением, и я снова принялся винить ее во всем. И пусть я ни единым словом не обмолвился ей о разъедавших мою душу терзаниях, это лишь усугубляло тоску, внезапно охватившую меня.

О, да! Тогда мне открылась иная глубина – и это была глубина одиночества. Не стану скрывать, что до того момента подобные «страдания» других людей казались мне попросту смешны. И уж конечно я никогда не мог предположить, что мне самому однажды придется погрузиться в пучины подобного отчаяния и тоски. И как смешон бы я был себе, имея я только единственную возможность теперь взглянуть на себя со

стороны. Но нет, теперь все это не казалось мне блажью и пустой болтовней. Я снова был несчастен, и этим было все сказано.

К тому же я принялся изводить себя мыслью о том, как же мог так ошибиться?! Ведь все было ясно, и ничто не скрыто, напротив, этот светлый холодный металлический отблеск волос, эта тонкая белая кожа, эти мерцающие, словно топазы, чистые, но холодные глаза – все это теперь напоминало мне Луну, которая светит лишь отраженным светом, но свет этот всегда холоден, бледен, безжизнен...

Затем на смену этой мысли неожиданно пришла другая: так, я подумал, что, если сам выбрал эту женщину себе в жены и полагал, что женюсь по любви – а ведь так оно и было! и я был счастлив, очень счастлив! – значит, никакой ошибки не было, и на тот момент я сам был подобен ей во всем.

То, что случилось со мной потом (а я и сам толком не понимал, что это было) имеет отношение только ко мне и является, как говорят, только моей проблемой. И я не имею никакого права винить свою жену лишь за то, что она осталась такой, как была.

Эта мысль принесла мне неожиданное облегчение, и позволила, если не смириться, то постараться принять все как есть. Так я нашел в себе силы преобразовать тот мощный поток негативной энергии, разрушавший меня изнутри, и направить свое внимание и свои силы на что-то более полезное. Так

незамысловато я тогда определил это для себя.

Одиночество мое не стало от этого менее горьким, и тоска по любви не прекратила снедать мое сердце, просто мне показалось, что я нашел способ выбраться из этой ловушки, раньше, чем та дикая сила, не находящая себе выхода, уничтожит меня изнутри.

Моя жена принялась активно помогать мне. Думаю, со своей стороны она благодарила Бога за то, что в своем новом «увлечении», как она это называла, я нашел лекарство, от снедавшей меня тоски, и потому всячески поддерживала, как могла. Возможно, она почувствовала некоторое облегчение оттого, что я, что называется, «переключился» и перестал подспудно винить ее в нашей бездетности. Она всегда верила, что проблема наших отношений была только в этом. Я же давно понял, что это было всего лишь следствие или «последствие», причину которого я видел, но оказался не в силах исцелить.

Но однажды произошло нечто, что навсегда перевернуло мою жизнь.

II

Когда мне было примерно пятнадцать лет, мы постоянно жили за городом в небольшом коттеджном поселке в тихом и красивом месте. В городе я часто болела, поэтому мои родители посчитали, что нам с бабушкой будет лучше переехать за город, на природу. Я думаю, что для такого решения были и другие причины, более важные, чем мое здоровье или нездоровье. Но, так или иначе, выбирать не приходилось. Я училась экстерном, как-то между делом, а остальное время было посвящено скуке, чтению каких-то романов, бесконечному блужданию по окрестностям, пустым разговорам с соседями, каким-то домашним делам и снова скуке. Я ощущала себя неким домашним зверьком, которого вдруг выпустили на волю после многих лет содержания взаперти. Но я так привыкла к ограничениям, что просто не знала, что делать с предоставленной теперь свободой. Мне не нужно было столько пространства для жизни и столько свободного времени. Тогда я очень явственно ощутила, что безграничная свобода ограничивает нас сильнее всяких ограничений. Это открытие поразило меня своей простотой и в то же время неожиданностью. Тогда я поняла, что то, что люди называют свободой и к чему так упрямо стремятся, на самом деле находится внутри нас. Это качество личности, и оно или есть или его нет.

Постоянно предоставленная самой себе, я совершенно не

чувствовала себя свободной. Что-то внутри меня все время мешало мне ощутить ту заветную радость, о которой столько говорилось вокруг: и в книгах, и по телевизору, и в обычных разговорах.

Все родные привыкли списывать мое чаще всего унылое и угнетенное состояние на мое нездоровье. Но теперь я совершенно не чувствовала себя нездоровой. И тогда мне пришло в голову, что, возможно, мое нездоровье следовало бы объяснять постоянно подавленным настроением. Еще Шопенгауэр в своей философии пессимизма, кажется, вывел нечто похожее, будто если дух не желает жить в теле, то тело постепенно умирает само собой. Да-да, не удивляйтесь, от нечего делать я читала и такие книги. Только не уверена, что понимала их правильно, и понимала ли вообще. Отказ от жизни не является самоубийством, вроде бы говорилось там.

Но я не чувствовала в себе и этого стремления. Скорее всего в этом и была основная проблема – я вообще не чувствовала в себе никакого стремления ни к чему...

В поселке у меня была одна подружка. Мы были с ней почти ровесницы и, познакомившись, стали часто гулять вместе. Не потому, что «подружились», а потому что больше было просто не с кем. Но привычка, наверное, лучшее качество в человеке, потому что по привычке все как-то само собой складывается и

становится и милым, и удобным, и необходимым. Так сложилась и наша дружба.

Я была благодарна этой неутомимой девочке за то, что она буквально везде таскала меня с собой. Она все время придумывала какие-то развлечения, можно сказать, из ничего и щедро делилась со мной тем, что называется, наверное, жизненной энергией. Ей было все интересно и всего хотелось. И в то же время она умела довольствоваться тем, что есть, находя в том сколько угодно поводов для радости. У нее всегда было хорошее настроение, вот, наверное, что нужно сказать прежде всего и вместо всего остального. Это когда человек просто весел оттого, что жив и здоров. Наверное, так.

А я? Что же было нужно мне?

Обычно во время наших прогулок, мы любили уходить далеко от дома и бродить по всяким лесам и пустошам. Часто мы гуляли вокруг одной богатой усадьбы, границы владений которой кое-где были огорожены железной решеткой, кое-где живой изгородью. И каких только слухов и нелепых историй не наслушалась я от моей подружки о хозяевах этой усадьбы и об их жизни. Не умея отличить правду от лжи, я не знала в итоге, чему верить, а чему – нет. Самое простое – это или верить всему целиком и полностью, или сомневаться во всем. Но даже здесь я не могла решить, как быть. Вроде и хотелось бы верить,

но...

Часто мы наблюдали издалека, как у них бывали какие-то гости, и все время устраивались какие-то праздники, и всегда было много детей, много смеха, много развлечений и вообще всего много. О, как бы и нам хотелось попасть туда, хоть ненадолго, и посмотреть хоть одним глазком, что же там происходит и отчего все так счастливы!

- А ты знаешь, кто хозяин этого дома? – спрашивала моя подружка. – Знаешь, кто он на самом деле?

- Нет, - я качала головой. – Откуда же я могу знать.

- Вот, а я тебе скажу. Слушай: на самом деле он колдун!

Она отстранилась немного, чтобы со стороны оценить, какой эффект произвели на меня ее слова.

Я пожала плечами.

- С чего ты взяла?

- Так все говорят.

Сквозь решетку я смотрела на красивый сад. Тогда уже стояла поздняя осень, листья с деревьев почти облетели, но трава до сих пор оставалась зеленой и даже свежей. Ровно подстриженные кустарники повторяли контуры мощеных дорожек, проложенных по саду, который больше походил на парк. Почему-то казалось, что сюда редко кто заходит, и красота, существующая сама по себе, вызывала во мне смутное чувство сожаления.

- Давай залезем через забор и посмотрим, что у них там! – предложила моя подружка.

Я не решалась.

- А вдруг хозяева?

- Не, - она махнула рукой. – По утрам он всегда уезжает и до обеда его точно нету, а хозяйка из дома почти не выходит.

- Откуда ты все знаешь?

Она только хмыкнула в ответ, что на ее языке должно было означать, что это и так всем известно.

Мы перебрались через забор и принялись гулять по чужому саду. При ближайшем рассмотрении он и вправду оказался довольно заброшенным, а хозяйский дом был так далеко, что бояться действительно вроде бы было нечего.

На кустах мы обнаружили сморщенные плоды барбариса и боярышник, и опавшие яблоки на земле, и зачем-то принялись все это есть, а потом просто бегать по траве, собирать листья, прятаться за кустами и всякое такое прочее. Отчего-то нам было очень весело, и, окончательно осмелев, мы в итоге забыли, где находимся. Увлеченные нашей игрой, неожиданно лицом к лицу мы столкнулись с неизвестным.

Это был высокий господин с красивым и довольно молодым лицом, с черными гладкими волосами, уложенными назад, в черном полупальто, накинутом поверх сорочки, очень

опрятный, строгий и суровый, как нам показалось на первый взгляд.

Боже! Как же мы испугались!

Но вместо того, чтобы обругать нас и с позором выставить прочь, этот господин, который, как мы быстро поняли, и был хозяином этой усадьбы, вдруг принялся внимательно расспрашивать нас о том, кто мы такие, откуда пришли и что здесь делаем. Ни в его словах, ни в голосе не было и намека на то, что он сердится за то, что мы тайком забрались в его сад. Тогда мы честно рассказали ему, как и почему оказались здесь. На что он лишь рассмеялся, а затем пригласил нас в гости!

Мы не поверили своим ушам. Сколько раз мы мечтали побывать в этом доме, и сколько раз убеждали себя в том, что мечта наша, конечно, несбыточная. И сколько всего напридумывали себе за это время, и сколько всего вообразили!

Хозяин проводил нас до дверей своего дома. Там возле широкой лестницы с витыми перилами на площадке, выложенной разноцветной плиткой в прихотливом узоре, стояла его большая черная машина. Он сказал, что сейчас ему нужно ненадолго уехать по делам, а когда он вернется, мы будем играть в театр. Согласны?

Конечно, мы были согласны!

- Хорошо, - сказал он. – Проходите в дом. Моя жена останется

здесь с вами, она позаботится, чтобы вы не скучали, и пока меня не будет, расскажет вам, что мы будем делать, а вы поможете ей приготовить все необходимое.

В тот самый момент дверь открылась и на пороге появилась красивая женщина в длинном шелковом очень красивом платье или это был такой специальный халат, я не знаю, я никогда не видела такой одежды. Волосы окружали ее голову, словно ореолом очень светлых светящихся кудрей, и на солнце они переливались необычным блеском, похожим чем-то по цвету на белое золото. Я никогда еще ни у кого не видела таких волос. Она была очень добра. Увидев нас, она обрадовалась, как будто мы были ее давние и хорошие знакомые, а не чужие девочки, тайком забравшиеся в чужой сад. Она пригласила нас войти, и дверь за нами медленно закрылась сама собой.

Потом мы оставили свои пальто и ботинки в гардеробной, и, надев на ноги расшитые тапки с загнутыми носами, отправились туда, куда повела нас эта чудесная женщина. Так мы очутились в большой зале, причудливо убранной множеством тканей, задрапированных в виде занавесов и покрывал, скрывающих неизвестные нам вещи. Здесь она принялась рассказывать нам, что мы станем делать, когда вернется хозяин и что нам нужно приготовить к его приезду. Оказалось, что мы не просто будем смотреть представление, но

сами будем участвовать в нем, и для этого нам нужно выбрать себе роли и найти подходящие костюмы.

Среди всего многообразия невероятных вещей и неожиданного развития событий, нам не верилось, что все это происходит с нами наяву, а не во сне.

Хозяйка распоряжалась, как и что нужно устроить, и мы помогали ей, охотно следуя ее распоряжениям. Из разных мест и углов мы доставали всякие вещи и разносили, расставляли и раскладывали их в определенном порядке, который нам указывали. Это было ужасно интересно. Мы никогда не видели столько необычайных вещей, собранных в одном месте. Мы с подружкой восхищались и удивлялись между собой, обсуждая свои находки, а хозяйка улыбалась, глядя на нас, и рассказывала назначения тех предметов, которых мы не знали.

В то время, пока мы были заняты приготовлениями, мне показалось, что мы как будто готовим не декорации к спектаклю, а какой-то магический ритуал. И я сразу вспомнила те слухи, что ходили об этой усадьбе и ее хозяине, и как моя подружка сказала, что будто бы он колдун. Но предположение это тотчас показалось мне смешным и нелепым, особенно в присутствии этой милой женщины, с ее звонким голосом, сияющими почти белыми волосами, с ее радостным и открытым, как мне показалось, характером. По сути своей она была настолько противоположна всему тому, что мы обычно

представляем себе под колдовством, что подозрения мои тотчас рассеялись.

Когда все было готово, хозяин еще не вернулся. И тогда мы расселись на мягких стульях с мягкими спинками вокруг маленького круглого столика, и принялись беседовать. Хозяйка расспрашивала нас о нашей жизни и угощала чаем с сахарным печеньем и шоколадными конфетами, которые – она так и сказала – можно есть без счета!

Мы с моей подружкой, переглядываясь между собой, разделяли единое мнение о том, что нам посчастливилось попасть в живую сказку.

Как только появился хозяин, тут же стало что-то твориться! Мы все как будто сразу оказались в другом сказочном пространстве, которое теперь было еще и волшебным. Он был весел и бесконечно добр и как будто творил чудеса одним своим присутствием. Мы с подружкой так вжились в придуманные нами роли, что нам почти не нужно было подсказывать, что и как делать. Это было так увлекательно!

Время словно перестало существовать для нас, и действие творилось само собой. Когда все закончилось – а что «всё», я даже не могу сказать – это был словно волшебный сон, или радужный фейерверк, или что-то такое необъяснимое, что я не могу описать. Так вот, когда все закончилось, хозяин

поблагодарил нас за участие и предложил нам выбрать себе подарки. Он сказал, что мы можем взять себе любую вещь, какую захотим.

Моя подружка тут же выбрала себе плюшевую собачку. Она сказала, что всегда мечтала именно о такой собачке, только живой. А эта так сильно похожа на живую. Действительно, ее шерстка была сделана так искусно, и глазки, и носик смотрелись совсем как настоящие.

А я все никак не решалась. На самом деле мне хотелось и то, и это, но когда я представляла себя обладателем какой-то определенной вещи как бы один на один, она почему-то сразу теряла свою прелесть, словно красивая рыба, выловленная из воды удачливым рыбаком. Мне казалось, что только здесь все эти вещи обладают тем волшебным свойством, которое так привлекает нас, но стоит вынести их наружу, как они сразу померкнут и превратятся из волшебных в обычные.

- Можно мне прийти еще раз, - тихо спросила я, - вместо подарка.

Хозяин рассмеялся.

- Конечно! – ответил он, глядя на жену.

Она тоже улыбнулась.

- Милая девочка.

С тех пор я стала часто бывать в их доме. Моя подружка,

однако, больше ни разу не составила мне компанию. Вместо того она с увлечением рассказывала мне о чудодейственных свойствах своей собачки.

- Ты представить себе не можешь, - говорила она в восхищении и с неподдельной радостью на лице, - это просто чудо! Дома она игрушечная, а на улице становится живая! Я до сих пор поверить не могу, но так оно есть *на самом деле!* Мне родители запрещают собак заводить, потому что думают, что я быстро наиграюсь и брошу, что она мне надоест, и тогда им придется самим с ней возиться или пристраивать кому-нибудь. А как собака может мне надоест, если больше всего на свете я люблю гулять?! А с собакой лучше, чем одной... ну, то есть не одной, а я хотела сказать...

Я поняла, что она хотела сказать. И я была на самом деле рада, что ей достался такой чудесный подарок.

Всякий раз, как я возвращалась от «волшебника», как она теперь всегда называла хозяина усадьбы, моя подружка живо интересовалась, взяла ли я наконец и себе какой-нибудь подарок. Ей было очень интересно «еще посмотреть на чудо», как она говорила. И когда я отвечала, что нет, она огорчалась и советовала мне поскорее что-нибудь выбрать, пока он не передумал.

Но я больше не хотела никакого подарка. Получив возможность помогать в театре и участвовать в представлениях, я поняла, что

мне больше всего интересен сам процесс, и я не стремлюсь ни к какому результату, скорее всего всё по той же причине, что никогда не чувствовала в себе никакого стремления ни к чему...

И если раньше я всегда ощущала это качество своей натуры как ущербность, ограниченность и неполноценность, то здесь я впервые обнаружила в том свои плюсы. Больше всего мне нравилось и хотелось пребывать внутри того действия, которое творилось общими силами всех участников представления, и мне было все равно, как все повернется и чем в итоге закончится. Мне важно было находиться лишь здесь и теперь, не думать ни о чем, не загадывать и не желать, а быть словно инструментом в чьих-то добрых и умелых руках.

И чем больше я погружалась в ту другую реальность, которая открывалась мне во время представлений, тем больше я замечала чудес. Не знаю, только ли казалось мне, или так было на самом деле, но с каждым разом наши представления получались все более волшебными, словно наполненные каким-то божественным вдохновением, и чудеса творились буквально на каждом шагу. Да, это было как колдовство, как наваждение, как сон наяву, как сказка.

А потом случилось вот что.

Однажды я как обычно пришла в усадьбу, чтобы помочь хозяйке приготовить очередное представление, и обнаружила,

что дом уже был полон каких-то незнакомых мне людей. Все они бегали, суетились и были весьма увлечены делом. Хозяйка, занятая с ними, не успевала уделить мне внимания. И хотя я знала, что нужно делать, но не могла без приглашения вклиниться в общую работу. Я сидела и ждала, когда мне скажут, что я должна делать сегодня. Такой был порядок, который нельзя было нарушать.

Мимоходом хозяйка объяснила мне, что это ее родственники, которые приехали погостить, и что сегодня спектакль мы будем делать для них. Но их было так много, что мне в этот раз дела не нашлось.

Я сидела и смотрела, как хозяйка обучала новичков, объясняла всем правила «игры» - так она всегда говорила про наши представления - распределяла роли и обязанности и рассказывала, как все будет происходить. Я давно не замечала в ней такого счастливого возбуждения и воодушевления, и меня удивила и порадовала мысль о том, как все эти люди, должно быть, любят друг друга.

Но представление в этот раз отчего-то не удалось.

Нет, все было нормально, и в конце каждый получил, конечно, свой подарок, а я, дождавшись окончания, спокойно отправилась домой.

Я сказала «спокойно», но на самом деле на душе у меня было совсем не спокойно. Я не знаю, как объяснить то чувство,

которое охватило меня. Это было какое-то смутное ощущение чего-то нехорошего, что коснулось меня. Более точно выразиться я не могу, потому что я чувствовала это где-то в глубине своего существа, тогда как мой разум утверждал, что сегодняшняя неудача – всего лишь случайность, а все остальное – только моя обычная душевная склонность к печали, скуке и предубеждению. Всю дорогу я думала только об этом. И разум, конечно, тогда одержал верх, потому что мы всегда верим только тому, чему хотим.

Но ни в следующий раз, ни через раз меня в спектакль так и не приняли.

Я приходила еще несколько раз, родственники наполовину разъехались, но в отношении ко мне ничто не изменилось, и я поняла, что уже не изменится. Но что произошло? Я ломала голову, но не могла найти ответа. И я боялась спросить. Потому что чувствовала, что причины, какие бы они ни были, никогда не будут высказаны прямо, но будет придуман лишь повод. Так всегда поступали мои родители, и я привыкла думать, что так вообще поступают все взрослые люди. Это их правила, их игра. Но я никогда не умела действовать «по умолчанию». Особенно в таких вопросах, которые казались мне жизненно важными. На самом деле, такой вопрос был для меня всего один...

- Что случилось? – спросила я хозяина. – Почему меня больше не принимают в игру? Я сделала что-то не так?

Услышав мой вопрос, он весь вспыхнул, и глаза его загорелись недобрый огнем. Но это продолжалось лишь секунду, так что в следующий миг я подумала, что мне это только показалось. Он снова был добр, как всегда, и казался спокойным. Но нет, спокоен он не был. Он взял меня за плечо и отвел в сторону.

- Я все тебе объясню, - сказал он, - но не сейчас.

Он хотел было уйти, но остановился.

- Нет, я должен все объяснить тебе прямо сейчас.

Он умолк и через некоторое время продолжил.

То, что он сказал мне, я не смогу повторить здесь.

- Прошу тебя, останься, - сказал он в конце. – Иначе, мне невыносимо будет думать...

Он не закончил свою фразу, но я не нуждалась в продолжении.

- Хорошо, но лучше я постою там, за кулисами, то есть за занавесом, - ответила я. – Мне не нужно видеть, что происходит, чтобы присутствовать при этом. Гораздо лучше, чтобы не видели меня.

- Хорошо, - он согласился, и я буквально почувствовала, как отлегло у него от сердца. – Так ты не уйдешь?

- Нет.

В тот вечер я стояла за кулисами. Плотная ткань портьеры скрывала от меня происходящее в зале, но я столько раз сама участвовала в «игре», что мне на самом деле не нужно было видеть того, что происходило на сцене, достаточно было слышать и присутствовать рядом. Я настолько явственно представляла себе все действие, что наконец перестала видеть разницу между тем, принимаю ли я участие *на самом деле*, или только представляю себе все происходящее.

Чудеса продолжали твориться!

В темноте я стояла за занавесом ровно в том месте, где с другой стороны на сцене, я знала это прекрасно, обычно стоял хозяин нашего волшебного театра. Так, в один момент, приблизившись к портьере, я приложила руку к плотной ткани, как иногда прикладывают ухо к двери, чтобы лучше слышать то, что происходит за ней, и вдруг с удивлением ощутила, что ткань как будто пульсировала у меня под рукой, как будто бы под ней билось чье-то сердце... Испугавшись, я отдернула руку, но в следующий момент приложила снова. И снова ощутила это странное и таинственное внутреннее движение. Через ткань оно как будто передалось мне, и внутри поднялась какая-то горячая волна, так что на секунду даже перехватило дыхание. Я отстранилась. Волна схлынула.

Вдруг с глухим стуком что-то упало к моим ногам. Нашарив руками в темноте, я обнаружила, что это был камень – кусок

гальки, сглаженный морем. Я взяла его в руку, и он удобно помещался в ладони. Я держала его, и холодный камень вдруг стал нагреваться, но не снаружи, а как будто изнутри. Когда он сделался таким горячим, что стало больно держать его в руках, он стал пульсировать, словно чье-то сердце на моей ладони...

III

Она ушла.

Когда она возвращалась домой в густой промозглой темноте позднего вечера поздней осени, она знала, что больше уже не вернется назад. По дороге она думала о том, что произошло, сжимая горячий камень в ладони, в кармане пальто.

«Я никогда не смогу смириться с тем, что когда-нибудь мы будем разлучены! Надеюсь, ты сможешь понять меня верно, я очень на это надеюсь, - звучали в ушах его слова. - Благодаря тебе я познал любовь, которая выше всех условностей, она больше всего, что может знать человек. Мне вдруг открылось, что это и есть истинная суть нашей души. И я знаю, что ты тоже об этом знаешь. И не наши тела, но наши души есть две части единого целого. – Поэтому я сказал, что мы созданы друг для друга», - прибавил он в конце.

Она сказала: «Это невозможно».

Как невозможно, например, думать, будто одна рука одного

тела создана для другой.

«И потому невозможно, чтобы мы были разлучены и разделены, даже будучи разделены, - подумала она. – И этого никогда не случится».